

Александр Коротко ЛУННЫЙ МАЛЬЧИК

повесть

В небе блуждали уставшие тучи. Ветер мотал головой налево и направо, выскивая непохожих. Меня среди них не было. Я отделилась от собственного имени и начала новое проживание. Рядом шел равнодушный дождь. Стало страшно выходить на улицу. Дни заблудились в моем рассудке. Безмерное воспаленное одиночество вскармливало по ночам призрачные голоса сновидений, обрушивая на них жалкое подобие бреда. Радость новых потрясений варварски вторгалась в затхлое жилище сознания. Память водила указкой по нотной тетради тишины.

Все знали, что он умрет. Ему было неведомо, где начинается и где заканчивается жизнь. Он просто шел уверенной походкой по долгой дороге нелюбви и самоотрицания. Друзья были его тенью, его отражением, они питались политикой и ненавидели друг друга. Я, как все, относилась к нему с большой симпатией. Любить его оказалось выше моих сил.

С первой женой у него не сложилось. С ней он вырос, а повзрослев, отделился, как отделяются дети от своих пожилых родителей. Я понимала, что такая участь ждет всех на его пути. По-настоящему он любил только две вещи: большие города и интриги. Ему нравилась жестокая и циничная энергетика проживания в мегаполисе. Он растворялся в этой стихии духовного опустошения.

До своей болезни он всегда спешил, пренебрегая всем, что не касалось работы. Хотя в моем понимании назвать работой то, чем он занимался, никак нельзя. С ним я впервые ощутила страх, вернее, его прародительницу тревогу. Живя с чиновником высокого ранга, ты монотонно, с инквизиторской изощренностью уничтожаешь свою душу, свою маленькую Жанну д'Арк. Ты начинаешь мыслить его категориями, говорить его словами, твоя жизнь превращается в сон с открытыми глазами, и с каждым днем тебя все больше и больше засасывает неудержимая воронка политической борьбы — стремление сделать из своих врагов друзей, чтобы, приблизив их однажды к себе, уничтожить раз и навсегда. Но и это не самое страшное. Страшнее всего выпасть из этого состояния при полном здравии и благополучии. Сев однажды на политическую иглу, соскочить уже невозможно. Выпавшие из этого процесса напоминают сонных мух, ползающих по стеклу собственных воспоминаний. Ему повезло больше других. Он работал до последнего дня.

Болезнь — властная и капризная царица, она не ждет, когда ее позовут, она приходит сама, со своими поварами, докторами, аптекарями. Твое «я» превращается в жалкое, беззащитное существо, желающее удовлетворить любой ее каприз. О, как он боролся с ней! Но все напрасно. Она поселилась в нашем доме на правах хозяйки. И мы с этим смирились. Сначала я, потом он. Я злилась на себя, на свою судьбу. Знала, что буду наказана, но не верила, что это произойдет так скоро. Скорее наоборот. Он выжидал. Искал новую форму проживания.

Это был самый сложный период в нашей жизни. Болезнь тоже не теряла времени. Я пыталась уговорить его бросить работу, но он меня не слушал. Его поведение пугало окружающих. Каждый день он шел на работу, словно на Голгофу. Болезнь уже не скрывала своего присутствия. Она была всюду, и прежде всего на его лице. Интересоваться здоровьем, глядя на него, было просто кошунством. Все вокруг играли в одну и ту же игру — делали вид, что ничего не происходит. При каждой встрече он пристально, иронично и даже игриво всматривался в глаза собеседника и всем своим видом, манерой поведения провоцировал его, давая понять, что ему глубоко наплевать, что тот думает о его состоянии, а если сомневается, тогда пусть спросит, почувствует, пожалует, в конце концов. Для него самым главным было не оставаться наедине с болезнью.

Я тоже вместе со всеми играла в эту игру. После возвращения с работы мы вечерами проводили время на кухне, подробно пересказывая друг другу прожитый день. Каждый раз сценарий был один и тот же. Я готовила ужин, он стоял возле меня, жевал яблоко и рассказывал, рассказывал, рассказывал. Это было увлекательно и интригующе, хотелось тут же взять диктофон и записать. По мере развития болезни рассказы становились все подробнее и подробнее. Передо мной открылся целый мир человеческих судеб, политических интриг и заговоров. Я знала, кто с кем спит, за кем следят и кого «слушают». Погруженная в переживания, я не понимала, зачем мне так много этой страшной информации. Но любопытство брало верх. У меня и мысли не было с кем-то поделиться, как-то воспользоваться услышанным. Он в этом и не сомневался. Педантично и настойчиво вводил меня в курс дела, накачивал информацией, как накачивают резидентов перед заброской в чужую страну. Давал мне шанс выжить, как бы намекал: если ты не дура, то правильно воспользуешься этим. Но поняла я это гораздо позже.

За два дня до смерти он познакомил меня с весьма странным типом — что-то среднее между бандитом, сутенером и бизнесменом. Я сразу представила себе, как они вместе проводили время. Захотелось закатить скандал. Но было поздно. Все это уже не имело значения.

Похороны прошли помпезно, с почетным караулом и оркестром. Со свойственной ему иронией, еще задолго до смерти, он в деталях описал прощание («с верным сыном своего народа»), поименно назвав всех присутствующих. Он рассказывал так образно и зримо, что у меня возникало ощущение, будто я смотрю фильм.

Пока мы были вместе, я не интересовалась, откуда у нас деньги. Их было всегда столько, сколько было необходимо. Так жили не только мы, но и его прежняя семья, жена и пятнадцатилетний сын. Но теперь выяснилось, что деньги, которые у меня остались, вернее, те, к которым я имела доступ, закончились. Собственно говоря, после его смерти я продолжала вести тот же образ жизни, не задумываясь над тратами.

Прозрение наступило очень быстро. Я не знала, что делать. Истерика продолжалась целый день. Только к вечеру пришла в себя. Но это оказалось иллюзией. Бессонная ночь снова загнала меня в угол прожитого дня, как игрок загоняет шар в лузу. Рассудок был беспомощен, раздавлен и напоминал желе.

Рано утром позвонила его бывшая жена. «Вы извините, но...» После этих слов голос оборвался. Пауза была такой длинной, что можно было сойти с ума, но трубка вновь ожила. В ней появился голос, вернее, то, что от него осталось. Но я уже ничего не слышала и не понимала. Когда пришла в себя, попыталась восстановить разговор. Но все напрасно. Голова была тяжелой и таких невероятных размеров, что, казалось, еще мгновение — и я рухну. Но этого не случилось. Невероятным усилием воли я поставила себя в вертикальное положение и заставила заняться домашними делами.

Я ходила по квартире покачиваясь, словно пингвин. Меня одолевала только одна мысль: зачем она позвонила? Ведь мы никогда раньше не разговаривали. Да и виделся всего один раз, и то на его похоронах. И вдруг меня осенило: она хотела попросить денег. Видимо, ей так же, как и мне, теперь не на что жить. Это прозрение вогнало меня в такую депрессию, что я безудержно заплакала.

Моя жизнь до встречи с ним не была праздником. Ее можно сравнить с американскими горками. Но все эти спады и подъемы носили скорее эмоциональный характер. Все это было глубоко внутри и не касалось материальной стороны жизни. Мне было стыдно себе признаться, что он меня настолько развратил, что вести прежний образ жизни я была уже не в состоянии. Я искала точку опоры и не находила. Начался долгий, бесконечно долгий диалог с одиночеством.

Чтобы как-то справиться с нахлынувшим отчаянием, я стала взглядом блуждать по знакомым предметам. И в этом поиске наткнулась на телефонный аппарат. Он, словно магнит, притягивал меня, выворачивая наизнанку мою совесть, звал на помощь, давая понять, что если не подойду к нему, свершится непоправимое. И я подошла.

Набрала номер ее телефона и, не давая себе опомниться, выпалила: «Я знаю, что у вас нет денег. Не переживайте, что-нибудь придумаю». После этих слов спокойно, как ни в чем не бывало, положила трубку и начала рассуждать.

Перемена во мне была столь неожиданной, что я решила проверить, не сон ли это. Подошла к зеркалу, увидела заплаканное, отекающее лицо, растрепанные волосы и с облегчением вздохнула. Не прошло и минуты, как я опомнилась. Что же я только что ляпнула? Где взять эти чертовы деньги? Мысли, словно раскаленные угли, обжигали мое истерзанное сознание.

Передо мной снова возникло зеркало. Я заглянула в его бесстрастные, ничего не выражающие глаза. Мои губы непроизвольно зашевелились. Но зеркало отказывалось вести диалог. Боль превратила мою душу в миллиарды невидимых пылинки и разбросала их по бескрайним просторам вечности. Трудно сказать, как долго продолжалось мое путешествие.

Опомнилась уже на работе. Я была в полном порядке. Собранной и организованной, как и подобает деловой одинокой женщине. Заботы и тяжелые мысли я попросила покинуть меня и не беспокоить до вечера. Мы договорились полюбовно, и я как ни в чем не бывало, в прежнем ритме провела весь день. И этот день был пятницей. Я догадывалась, что это был разговор времени против меня, так как с утра на календаре был вторник.

По дороге домой я встретила с тем самым типом, с которым меня познакомил муж за два дня до смерти. Он шел мне навстречу неуверенной, нервной походкой. Когда подошел поближе, я увидела отекающее, нездоровое лицо. Он был неопределенного возраста, вернее, пребывал в той его части, где тягловой силой выступают не радости бытия, а инерция жизни. В его глазах сквозило банальное безразличие. Осанкой он напоминал груженный товарняк, идущий по своей колее к станции назначения. И все же он был не просто прохожий. Что-то выдавало его с головой.

Когда мы встретились взглядами и он заговорил, я почувствовала, что передо мной человек с огромной волей, проживший нелегкую жизнь, знающий цену многим вещам и доверяющий прежде всего своему собственному опыту и интуиции. И все-таки главное было не в этом. Когда мы обменялись двумя-тремя

ничего не значащими фразами, я поняла: инстинкт самосохранения — вот что держит его на земле. Когда картина была дописана, я успокоилась и приняла участие в диалоге.

Он говорил неторопливо, как бы расставляя в воздухе знаки препинания. После третьей фразы я поняла, что, оказывается, у меня нет денег. Это известие так меня обескуражило, что я неожиданно взяла его под руку, чем немало удивила. Тон его был деликатным и извиняющимся. При этом он достал из внутреннего кармана пиджака аккуратно сложенные листы бумаги и ловко, не давая опомниться, вложил в мою сумку. Настало мое время удивляться. Я опустила взгляд на сумку, потом перевела на него, давая понять, что жду дальнейших объяснений. Его это несколько не смутило.

— Есть лица... — после этого слова он поставил в воздухе большую запятую, — заинтересованные, естественно, не бесплатно, в публикации материала, который я вам только что передал. Сразу предупреждаю, материал скандальный, даже сенсационный. Все факты достоверны. Именно вам такой материал по силам. Я бы сказал — это ваш размер.

Последняя фраза была неуклюжей. Он это тоже почувствовал и сразу извинился. И тут я впервые с момента нашей беседы догадалась, что сама встреча со мной и этот разговор ему глубоко неприятны и он хочет как можно скорее со мной расстаться.

Во мне взвырвало женское самолюбие. Я демонстративно высвободила руку, посмотрела ему в лицо и, не скрывая своего пренебрежения, выпалила:

— Кто вам дал право вести себя подобным образом?

После моих слов он почувствовал реальную возможность окончить этот неприятный для него разговор. Выдержав паузу, снова начал расставлять в воздухе знаки препинания. На этот раз было многоточие, похожее на стаю перелетных птиц. Когда пернатые исчезли, прозвучал его спокойный, немного ироничный баритон:

— Разрешите побеспокоить вас через неделю.

С этими словами он удалился, а я в полном недоумении осталась стоять посреди улицы. За всю мою журналистскую карьеру со мной так еще никто не разговаривал.

Предчувствие чего-то страшного, неотвратимого навалилось на меня с новой силой. Я понимала, что надо действовать, но в моей ситуации эти слова звучали как насмешка.

Дома я не спеша прочитала предложенный для публикации материал. Речь шла о серьезных финансовых махинациях одной крупной отечественной компании. Назывались счета оффшорных компаний, таможенные декларации, суммы и виды валютных платежей. Материал был подробным и систематизированным и, скорее, напоминал акт документальной ревизии. Такую информацию можно было получить только из двух источников: непосредственно от фирмы путем подкупа соответствующих работников или от спецслужб. Ясно одно: кто-то интересуется деятельностью компании и сопровождает каждый ее шаг.

За статьи такого рода я бралась и раньше, но мне был известен заказчик, я знала, кто стоит за фирмой, на которую шел компромат. Здесь все было иначе. Во-первых, речь шла о серьезном заработке, а во-вторых, надо было выяснить, какое отношение к этому имеет мой покойный муж и кто этот тип, с которым я велею судьбы встречаюсь во второй раз.

Материал я решила не печатать.

Ровно через неделю мы снова встретились. Он появился так же неожиданно, как и в прошлый раз. Сначала разговор не складывался. Всем своим видом я старалась дать понять, что мне глубоко наплевать на его предложение и, самое главное, пока я не получу исчерпывающие ответы на вопросы, ни о каком диалоге не может быть и речи.

Он заговорил первым.

— Видите ли, только ваша газета и ваше журналистское имя могут решить задачу, поставленную передо мной заказчиком. А именно: скомпрометировать фирму и спровоцировать крупный скандал. Извините за назойливость, но повторюсь. Все факты достоверны.

Я продолжала молчать. Чтобы как-то разрядить обстановку, предложила зайти в ближайшее кафе и обсудить наши проблемы. По выражению его лица я поняла, что это не входит в его планы, но раз обстоятельства складываются таким образом, то он не против.

Как только мы заказали кофе, я спросила неожиданно хриплым голосом: «Для начала хотела бы знать, с кем имею дело. Представьтесь, пожалуйста».

Он был искренне удивлен.

— Как, разве ваш супруг ничего обо мне не рассказывал? — Он как-то по детски, я бы даже сказала, обиженно, покачал головой и задумчиво добавил: — На него это не похоже.

Фраза прозвучала бесстрастно, трудно было понять, делает ли он моему покойному мужу комплимент или возмущается его поведением.

— Хотя, — продолжил он, — это вполне в его духе. Ему нравилась недосказанность. Что касается меня, то я простой бизнесмен. У меня небольшая гостиница и ресторан, кстати, недалеко от вашего дома. — И он

протянул свою визитную карточку. — Я знаю, вы хотите меня спросить, что меня связывало с вашим супругом. Здесь особого секрета нет. Этот человек когда-то сильно помог мне в жизни. Я просто был ему по-человечески признателен. Он же меня никогда ни о чем не просил. Все время отшучивался. Я же не был столь деликатным и неоднократно обращался к нему с просьбами. Вы лучше меня знаете, что ваш супруг был не только умным, но и влиятельным человеком. Что касается этой публикации, то он, естественно, никакого отношения к ней не имеет. Не скрою, если бы он был жив, я не посмел бы обратиться к вам, не посоветовавшись с ним. Наше знакомство с вами за два дня до его смерти — всего лишь чистая случайность.

Пока он говорил, предугадывая мои вопросы, я внимательно наблюдала за выражением его глаз, следила за каждым его жестом, прислушивалась к интонации его голоса. Внешне все выглядело абсолютно естественным, без всякой доли наигранности. Говорил он просто, убедительно и искренне. И все же слова его не только не успокоили, а ввели меня в еще большее состояние тревоги. Но это, скорее, из области иррационального. Где-то глубоко внутри, в дебрях подсознательного, совершенно иначе звучал его голос, совершенно иначе моим вторым «я» воспринимались его ответы. Это как две теоремы о параллельных двух прямых — Евклида и Лобачевского. И та и другая имеют место быть, и кто из авторов прав — большой вопрос. А пока мы сидели за столиком, моя нервная система выстукивала в висках только одну команду: обработай клиента до конца. И я продолжала обрабатывать.

— Простите за бестактность, но поскольку это касается не только моего журналистского имени, но и личной безопасности, хотелось бы задать несколько вопросов, и если бы вы ответили так же искренне, я была бы вам очень благодарна. Есть две стороны любой скандальной публикации: те, кто заказывает, и те, против кого направлен этот заказ. И поверьте моему журналистскому опыту, победителем не всегда является заказчик. Тут уж как повезет — орел или решка. И журналисту, прежде чем напечатать материал, надо подбросить монету и желательно выиграть. Вы наверняка знаете, не все журналисты умирают своей смертью. Если материал, как вы утверждаете, достоверный, в чем я почти не сомневаюсь, то почему бы эти факты не передать компетентным органам? Я бы даже выразилась точнее, почему компетентные органы, зная о злоупотреблениях, не принимают меры? Напрашивается вывод — значит, у другой стороны, которую не любит ваш заказчик, есть серьезные аргументы, не позволяющие предать это дело огласке. И еще, на всякий случай, хотелось бы знать размер моего гонорара.

Этот вопрос оказался самым легким. Я тут же получила ответ. Такие деньги я не только никогда не держала в руках, но даже и представить не могла, что такое возможно.

Я с уважением отнеслась к оценке моего труда и высказала еще одно профессиональное соображение. Одно дело, когда заказчик дает реальную фамилию, и другое, когда под публикацией ставится подпись журналиста. В последнем случае речь идет о журналистском расследовании, и здесь, чтобы обезопасить себя, мне нужно четкое объяснение, где и при каких обстоятельствах я в борьбе за справедливость и экономическую безопасность страны добыла этот материал.

Удовлетворенная собой, я закончила монолог.

Он не заставил себя долго ждать.

— Я читал многие ваши публикации, слышал о вас, и не только от супруга, но вы превзошли все мои ожидания. Имя заказчика я вам назвать не могу, и не потому, что вам не доверяю, а потому что, во-первых, таковы правила игры, а во-вторых, вы не поверите, но это чистая правда, — я и сам не знаю. Да, чуть было не забыл, я тут принес вам дополнение к материалу, который передал раньше. — Он протянул мне видеокассету. — Как только посмотрите, пожалуйста, позвоните.

Он пригласил официантку, рассчитался и, ни словом не обмолвившись о публикации, пожелал мне удачного дня и ушел.

Я попыталась закурить, но у меня начался жуткий кашель. На меня стали обращать внимание. Все выглядело странным. Стало жалко себя. Теперь я не сомневалась, что со мной играют в кошки-мышки, и неизвестно, сколько времени я могу просуществовать в роли мышки. Не терпелось поскорее прийти домой и посмотреть кассету.

Устроившись поудобнее в кресле, я нажала на кнопку пульта.

Первые две минуты на экране был только небольшой загородный дом в живописном месте на берегу озера. И тут в кадре появилась я с хорошо знакомым мне человеком. Мы сидели на диване за журнальным столиком, пили вино и целовались. Затем отправились в спальню и там занимались любовью.

Как только пленка закончилась, из моей груди, словно из глубокого колодца, вырвалось только одно слово: «О Боже!» Я слышала, как стонет моя душа.

В пустой комнате в полной темноте раздался незнакомый голос: «Вот и всё». И этот голос принадлежал мне.

Минуты превратились во множество ядовитых змей, которые терзали мое воспаленное сознание. У меня было только одно желание — как можно скорее присоединиться к этим пыткам и истязать, безжалостно